

КОРРУПЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

К.В. КАБАНОВ

Коррупция: общая ситуация и текущие реалии

Автор акцентирует внимание на вопросах борьбы с российской коррупцией, связанных с пробелами в отечественном законодательстве. Прежде всего это касается отказа в ратификации 20-й статьи Конвенции ООН против коррупции, фиксирующей определение понятия “незаконное обогащение”.

Ключевые слова: коррупция, незаконное обогащение, антикоррупционное законодательство.

The author fixes attention to questions of struggle against the Russian corruption, connected with blanks in the domestic legislation. First of all it concerns refusal of ratification of 20th article of the Convention of the United Nations against the corruption fixing definition of concept “illegal enrichment”.

Keywords: corruption, illegal enrichment, the anticorruption legislation.

Термин “коррупция” происходит от латинских слов “*corruptio*” – “порча”, “обман”, “подкуп”, “болезненное состояние”, а также “*corruptor*” – “совратитель”, “соблазнитель”. То есть коррупция портит сложившийся порядок жизни страны, систему управления государством. В самом общем случае коррупция означает извлечение публичными лицами личных материальных и нематериальных выгод из своего должностного, служебного положения.

В период глубинных социальных, экономических и политических преобразований в нашей стране конца XX в. коррупция официально признавалась “смазкой переходного периода”. Реформаторы считали ее благом для экономических преобразований и не приняли мер для ее последующего ограничения. Таковыми могла стать реформа государственного управления в интересах гражданина, общества и государства. В результате за прошедшие два десятка лет в условиях “наибольшего благоприятствования” коррупция заменила собой систему государственного управления (что признается даже Президентом РФ Д. Медведевым), заменила идеологию госслужбы и выросла до масштабов национальной катастрофы.

За эти годы бюрократия сформировалась как класс, со своими интересами, сферами влияния и системой защиты, с огромным объемом оборотных коррупционных средств, достигающим 300 млрд долларов США. При этом коррупция – самый доходный, а значит, и самый привлекательный бизнес в стране, со своими специфическими услугами и устоявшимися тарифами. Основными коррупционными сферами являются

К а б а н о в Кирилл Викторович – председатель Национального антикоррупционного комитета.

распределение бюджетных средств, распоряжение природными ресурсами, управление государственной собственностью, государственные закупки, незаконный захват собственности юридических лиц и граждан, игорный бизнес. В силовых структурах проблема усугубляется их закрытостью и недоступностью для общественного и даже парламентского контроля.

При этом отечественная коррупция имеет специфику, отличающую ее от западной: там она инициируется гражданами или бизнесом, а у нас – чиновниками. Специфика также заключается в том, что у нас коррупция – силовая, поскольку бюрократия давит, есть масса форм давления, начиная от силовых структур и заканчивая разрешительными и тому подобными процедурами. Все это происходит при не лучшем состоянии судебной системы, а также при полном безразличии общества, которое рассматривает мздоимство как часть некоего социального договора с властью о взаимном сосуществовании. В силу высокой организованности, наличия различных правовых иммунитетов высший уровень коррупционеров не доступен для преследования, и показательная борьба с коррупцией ведется на низовом, бытовом уровне. Так, основными коррупционерами у нас стали врачи, учителя и милиционеры.

Осознание руководством государства серьезности ситуации и необходимости бороться с коррупцией начало оформляться в практические шаги с 2006 г. Тогда были ратифицированы Конвенция ООН против коррупции и другие международные акты. Россия подписала ряд международных конвенций по борьбе с коррупцией, в том числе присоединилась к GRECO – группе государств против коррупции – структуре, учрежденной Советом Европы, в которую входят 45 европейских стран и США. В 2008 г. были приняты Федеральный закон “О противодействии коррупции” и пакет антикоррупционных законов и подзаконных актов, национальный план и стратегия противодействия коррупции. Однако заложенные в законодательстве механизмы не работают или работают формально в силу их нивелирования привыкшей к получению сверхприбылей бюрократией. Серьезные ограничители закладываются либо уже на стадии принятия законов, как это случилось, например, с ограничением круга членов семьи чиновника, представляющих декларации о доходах, или как с Конвенцией ООН против коррупции с исключением из ратификации ее 20-й статьи, либо на стадии правоприменения.

О 20-й статье Конвенции ООН хотелось бы сказать особо. Заявления руководства России, направленные на борьбу с коррупцией, постоянно возвращают к пониманию необходимости введения в российское правовое поле понятия “незаконное обогащение”. Но в 2006 г. при ратификации Государственной думой Конвенции ООН против коррупции не были ратифицированы три статьи, одна из них основная – 20-я – определяет “незаконное обогащение” как “значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать”. Там же “незаконное обогащение” признается уголовным преступлением и влечет конфискацию всего объема обогащения.

В общественной и профессиональной среде началась полемика, которая продолжается по сей день, о том, как трактовать “конфискацию имущества коррупционеров”. При этом совершенно не понятен сам предмет конфискации. Ведь это имущество состоит не только из вилл, машин, дорогих часов и “цацек”. Это в том числе и пакеты акций международных корпораций и банков, разного рода активы за рубежом и т.п.

В сегодняшней правоприменительной реалии даже если будет задержан с поличным высокопоставленный взяточник, то он максимально может получить срок от 8 до 15 лет и штраф до 500 млн рублей. В то время как в результате своих “трудов” он сумел “заработать”, к примеру, несколько млрд долларов. То есть риск занятия коррупционной деятельностью оправдан, поскольку основные средства не будут изъяты в связи с отсутствием на то правового основания. Общественное мнение заявляет, что все это наворовано, а в ответ с телеэкрана мы слышим: неправда, это результат бизнес-сверх-галантов моих родственников.

При этом закон о необходимости чиновникам декларировать свои доходы принят, а вот ответственность за недостоверность представленных данных административная, предусматривающая максимум – увольнение. По инициативе руководителя “партии власти” предполагается теперь узаконение декларирования расходов. Замечательно! А ответственность за предоставление ложных сведений, исходя из существующей правовой логики, останется также административной?

Мы все более убеждаемся, что ратификация 20-й статьи Конвенции ООН просто напрашивается. Сравниваем официальные доходы и расходы, находим разницу, то есть устанавливаем факт “незаконного обогащения”, а еще при этом уличаем в конфликте интересов чиновников, чьи жены и мужья оказались “талантливыми бизнесменами”, и начинаем уголовное разбирательство. В рамках этого расследования выявляются имущество, активы, определяется законность их происхождения. Накладывается арест на имущество и активы как в России, так и за рубежом, то есть от деклараций переходим к реальным механизмам.

Однако нельзя забывать, что наш многолетний опыт борьбы за ратификацию данной статьи показал, что добиться успеха тут можно только, если публично будет проявлена массовая заинтересованность, обращенная к руководству страны. При этом нужно отдавать себе отчет, что для коррумпированной части отечественной бюрократии эта тема представляет опасность даже в будущем, поскольку они понимают: в случае реализации задуманного нами они могут остаться “голы и босы” даже за рубежом. Вспомним, что средства, украденные кликой А. Фухимори (Перу) были возвращены в страну с использованием именно такого юридического механизма, основанного на международных нормах.

Итак, механизм, включающий фиксацию “незаконного обогащения”, уголовное преследование за него, конфискацию незаконно нажитого, с возвратом спрятанного за рубежом с использованием международных механизмов, – основное средство наказания коррупционеров, компенсации нанесенного их действиями вреда, повышения доверия граждан инициативам руководства страны.

Мне импонирует признание президентом Медведевым того, что зачастую по многим позициям идет имитация борьбы с коррупцией. И здесь мы опять возвращаемся к самому главному: пока что нет реального общественного заказа на борьбу с коррупцией. Общественный заказ сейчас формируется на кухне, где люди говорят: “Нам надоело!”. А потом они выходят из дома и прячут свое недовольство, боятся публично высказать свою позицию. Это, кстати, касается и большинства журналистов. Многие из них рассуждают следующим образом: “Зачем? Лучше забыть про таких, как Ю. Щекочихин, и спрятать свое самоуважение подальше. Ничего, как-то выживем, съездим в Турцию в отпуск, попьем пива возле телевизора, поедим мяса, и все – жизнь-то удалась”.

И именно потому, что нет четко сформированной общественной системы по защите личных и общественных интересов, не будет антикоррупционных уголовных дел того масштаба, который соответствует катастрофической реальности, сложившейся в стране. Если человек будет считать, что происходящее вокруг его не касается, то когда проблемы возникнут у него – всех остальных это касаться тоже не будет.